

Мы продолжаем публиковать материалы из книги Н. В. Мурашовой и Л. П. Мыслиной «Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Всеволожский район».

Мурино

В Санкт-Петербургском уезде находилось несколько представительных загородных резиденций. Самой близкой к городу была Муринская усадьба. Сейчас сюда можно доехать на метро, а из северных новостроек Петербурга можно увидеть церковь св. Екатерины, построенную неподалеку от усадьбы.

В 1712 году Петр I пожаловал «деревню Мурино с отхожими пустошами, со шведским кабачком на реке Охте... всего 1325 десятин да два озера» Петру Павловичу Шафирову. Благодаря своим способностям он быстро выдвинулся из переводчиков Посольского приказа в дипломаты, занимал посты вице-президента Коммерц-коллегии, вице-канцлера, вице-президента Коллегии иностранных дел, но в 1723 году попал в опалу за «воровство и взяточничество». Ее причину уточнил С. М. Соловьев: «Один из самых даровитых и видных сотрудников преобразователя, вице-канцлер и сенатор Шафиров был осужден на смерть, снят с плахи и сослан в ссылку за то, что в Сенате позволил себе неприличные поступки, брань с товарищами и обер-прокурором, нарушение указов, старание, чтоб брату его было выдано лишнее жалование».

Все шафировские имения были отписаны на государя, а он «Шафирову дачу на реке Охте с пашнею, леса и сенные покосы и со всеми угодьями и тремя дворовыми людьми, которые ныне живут на даче... хоромного строения три избы и конюшни» отдал генерал-майору Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову. В 1749 году его дочь, к тому времени уже вдова, баронесса Настасья Ивановна Поспелова, продала «деревню Муром (Мурино. — Авт.) и с прирезанными в оную и с прежде бывшими людьми» Роману Илларионовичу Воронцову. С тех пор несколько поколений этого рода владели вотчиной почти 170 лет.

Мурино. Малый пруд

Воронцовы — старинный дворянский род, немало представителей которого были известными государственными деятелями России. Дети стольника, позже сенатора, Иллариона Гавриловича Воронцова — Михаил, Иван и Роман — принимали участие в возведении на престол Елизаветы Петровны, за что были вознаграждены чинами. Старший — Роман Илларионович — дослужился до генерал-поручика и сенатора и был человеком не бедным. Богатое приданое принесла ему Марфа Ивановна, единственная наследница конюшего Патриаршего двора Ивана Михайловича Сурмина, нажившего огромное состояние на торговле солью и рыбных промыслах. Из литературных источников известно, что первым браком Марфа Ивановна была за князем Юрием Долгоруковым, сосланным в Сибирь в 1731 году, когда всех Долгоруковых лишили чинов и орденов из-за интриг в царствование Петра II.

Марфа Ивановна по разрешению Синода вышла замуж за Романа Илларионовича Воронцова. Приятельские отношения с великой княжной Елизаветой Петровной, которую Марфа Ивановна тогда снабжала деньгами, сохранились и в годы царствования дочери Петра I. В 1760 году Елизавета Петровна пожаловала Романа Илларионовича графским достоинством, Петр III присвоил ему звание генерал-аншефа, но при Екатерине II он впал в немилость из-за дочери Елизаветы, фаворитки Петра III. Однако в 1778 году императрица доверила Воронцову управление тремя губерниями: Владимирской, Пензенской и Тамбовской.

Марфа Ивановна умерла в 1745 году, оставив мужу обширные владения и пятерых малолетних детей. Пристроив Елизавету и Марию ко Двору, он

отдал Екатерину, Александра и Семена на воспитание брату Михаилу Илларионовичу, канцлеру с 1758 года. Назначив приданое дочерям при их замужестве, Роман Илларионович долго не выделял взрослых уже сыновей. Чтобы заставить его провести раздел, понадобился указ Екатерины II. Эта медлительность объяснялась тем, что Воронцов прижил от гувернантки пятерых внебрачных детей (Ранцовых), а их воспитание требовало больших расходов. По разделу, произведенному в 1774 году, Александру Романовичу достались имения в разных губерниях, в том числе родовое Андреевское — во Владимирской губернии, Милет — под Москвой и Мурино — в Санкт-Петербургском уезде. Еще раньше все отчеты управляющих по этим поместьям, начиная с 1771 года, писались на его имя.

их, как и прибрежный, стриженными деревьями. За последним прудом от тракта к реке проложили дорогу (ныне Садовая ул.), ставшую границей усадебного участка. Вся территория вокруг прудов на плато была превращена в обширный сад, в зелени которого скрывались оранжереи и теплицы, дом садовника, флигель с зимним садом, беседка, из которой открывались широкие заречные дали. По сторонам подъезда поставили службы, конюшни, каретник. Усадьба занимала 19 десятин.

В 1794 году управляющий поставил Александру Романовичу

Мурино. Большой пруд.

Манящий мир усадеб

Воспитанный дядей, канцлером, Александр Романович с детства был записан в лейб-гвардии Измайловский полк, в 1758 году — отправлен в Париж в военную школу. С 1761 года служил по ведомству иностранных дел сначала в Вене, затем в Голландии. Воцарение Екатерины II Воронцовы встретили холодно, и в 1768 году Александру Романовичу, 27-летнему дипломату, пришлось уйти в отставку. Вскоре он занялся переустройством усадеб в своих владениях. Проекты построек в Андреевском и Милете делал Николай Петрович Фонберк (фон Берг) — владимирский губернский и личный архитектор Воронцовых. Об этом свидетельствуют отчеты архитектора о жалованье, оплате проектов, прогнов Александр Романовичу, что дает основание предположить, что Фонберк был и автором построек в Мурино. Во всяком случае, в 1772 и 1774 годах ему были выданы деньги на проезд в Санкт-Петербург.

Усадьбы в Мурино и Андреевском были детищем Александра Романовича. В отличие от Муринской, родовая усадьба в селе Андреевском Владимирской губернии сохранилась в целостности и является образцом его созидательной деятельности. Расположенная в живописной пересеченной местности, в междуречье Пекши и Нергили, усадьба в Андреевском была задумана с большим размахом. Старый двухэтажный каменный дом надстроили третьим этажом, при-

строили к нему флигели и надвратную башню, образовавшие внутренний, парадный двор.

Напротив дома-дворца возвели домовую церковь во имя Св. апостола Андрея Первозванного, развели фруктовый, регулярный и пейзажный сады. Подъездную дорогу обстроили с обеих сторон службами, людскими, амбарами, хозяйственными заведениями. Помимо привычных скотного двора, конюшен, каретников были и различные мастерские: столярные, слесарные, шорные, кузнечные. В усадебном доме Александр Романович собрал большую библиотеку и обширную коллекцию икон, портретов, картин, скульптуры. Как и многие вельможи того времени, завел крепостной театр и оркестр. Особенно прославилось Андреевское оранжереями, где вызревали персики, абрикосы, виноград, гранаты, росли сливы, вишни, лавры.

Если Андреевское было фамильной резиденцией, то Муринскую усадьбу, расположенную вблизи столицы, Александр Романович задумал как загородную дачу. Однако и здесь он развернул широкое строительство — выбрал место на берегу Охты по правую сторону дороги из Петербурга в Токсово. Каменный на подвалах двухэтажный барский дом поставили на высоком холме, в излучине реки Охты. Склоны обработали террасами. От дома уступы спускались к припойменной низине, где вырыли прямоугольный (Графский) пруд, окружив его по периметру валами и дорожками. На валах высадили стриженные липы и кусты акации. Между прудом и террасированным спуском устроили регулярный «французский» сад со стриженными деревьями, по сторонам от него деревья и кустарники росли свободно. На плоскогорье за господским домом по одной оси вырыли три пруда, обсадили

подробный отчет с перечислением посадок: лип стриженных — 392, липовых беседок — 6, пирамидальных стриженных елей — 51, стриженных берез — 350. В разных местах: у палисадов, ворот, построек, прудов, оранжерей, теплиц, заборов, в садах и парках — тысячи яблонь, 650 вишен, 500 кустов роз, 100 кустов нестриженной акации, 130 гряд клубники, 42 куртины красной и черной смородины, 11 куртин малины, 5 рабатов крыжовника да еще в селе — 800 «разных деревьев» куртинами и рощами. В оранжереях давали обильный урожай персики, абрикосы, сливы, виноград, миндаль, горошек, земляника, клубника, лавровые, померанцевые, лимонные деревья.

Точное определение Муринским садам оставил поэт Г. Лафермьер в письме к Семену Романовичу Воронцову: «Я в Мурино...

Ваш брат делает свои сады, как Скарон одну из своих песен — песней еды. Его сады, конечно, — сады еды. Там видно только фрукты и овощи. Кроме того, имеется зимний сад, который представляет жилище очень удобное и очень приятное для сезона... Церковь, архитектура которой очень элегантна, наконец, дороги, бесчисленные просеки, также теплицы и оранжереи... Словом, это все предлагает разнообразие и доставляет удовольствие и делает это место очень приятным».

Немало интересных подробностей о Муринских садах можно почерпнуть из писем Семена Романовича из Лондона, где он служил российским послом. Как-то он написал брату: «Я Вам пошлю маленький хлам, составленный из многочисленных маленьких обрезков китайской ивы. Это самое замечательное дерево, которое я когда-либо видел. Они обрезаны от прототипа этих деревьев в этой стране, как говорится, — китайской ивы сада знаменитого Попа. ...Я Вас прошу посадить их в Мурино, Ульяновке, Матренино и Милете. Это дерево теперь в большей части здесь (Англии. — Авт.), гораздо меньше — в Италии и во Франции, где его называют ивой Пальмиры или плакучей ивой».

В другом письме Семен Романович рассказал об улучшении дорожек в Мурино: «Я Вас поздравляю, мой дорогой друг, по поводу мелиорации, что сделала мадам Дашкова в Вашем саду, потому что мне кажется, что Вы не совсем довольны, так как Вы мне об этом не говорили, это именно от нашего друга Лафермьера я узнал о работе, которую она предприняла и исполнила с той активностью, которая ее характеризует. Я Вам признаюсь, что, не зная точно, что она сделала, я полагаю, что Ваш сад стал улучшенным, особенно, если она сделала или показала, как сделать прогулочные дорожки сухими, чтобы не забрызгаться или не погружаться в зыбучий песок... Я вспоминаю, что я Вам говорил сделать дорожки по-английски».

Так же подробно, как и посадки, управляющий описал господский дом, где внизу был винный погреб, в первом этаже — 13 комнат, во втором — 8. В отчете обскана каждая деталь, вплоть до занавесей, обивки стен, перечня окон, дверей, печей и мебели. Лафермьер отмечал: «Комнаты, о которых я Вам говорю (Семену Романовичу. — Авт.) — слово любимого его творения по его манере. Это, правда, что я нашел их увеличившимися и похорошевшими». Трудно сказать, поче-

му, но посетивший Муринскую усадьбу в 1784 году Дж. Кваренги сказал, что «это расположение дома умалишенного». Александр Романович ответил тогда архитектору, что он — дурак. Возможно, Кваренги запечатлел дом, показавшийся ему более чем странным.

В каменный двухэтажный флигель, где была «театральная» комната, проходили из господского дома через зимний сад. Все хозяйственные постройки, кроме кузницы, — баня, каретник, конюшни, сенной сарай, коровник, хлебный амбар, ледник, три служебных флигеля — были деревянными. В садах и парках стояли скамейки, канопе, беседки, одна из них — «китайская», описание которой сохранилось: «В ней круглый стол и двадцать стульев, семь жалюзей на шнурах, окрашенных в зеленый цвет». В 1791 году архитектор П. Гинц сделал копии с проектов всех муринских построек, но эти документы пока не обнаружены.

(Окончание следует)

Бугры

Незадолго до введения Мурино в майорат, в 1828 году, Михаил Семенович Воронцов продал 80 десятин купцу 2-й гильдии Дирику Ивановичу Загемалю. Поскольку местность была холмистой, то и назвал он устроенную здесь небольшую усадьбу — Бугры. На самом высоком холме поставили господские строения, по склонам насадили парк свободной планировки. Большой копаный пруд собирал по канавам излишнюю воду и играл роль водосборника. К усадьбе вела дорога, обсаженная деревьями, соединявшая Бугры с Мурино и Сосновкой. Загемаль вел огородное и молочное хозяйство.

В 1891 году это имение с усадьбой в 7 десятин принадлежало жене действительного статского советника Марии Ростиславовне Трегубовой. Она заложила Бугры в банке и на эти деньги приобрела имение Коркино в Колтушской волости, а Бугры продала губернскому секретарю Семену Михайловичу Шишмареву.

В советское время в Буграх создали совхоз, и его контора расположилась в усадебных строениях. Границы усадьбы можно определить и сейчас, хотя парк зарос мелколесьем, земля переувлажнена, несмотря на сохранность пруда-водосборника. Уцелели отдельные старые 160-летние деревья и в аллеях, напоминающие о времени создания дачи-усадьбы.

Бугры. Парк